

Посвящается моей маме.

*Ты — самая любящая женщина, которую я знаю.
Я бы хотела, чтобы у каждой девочки была такая
мама, как ты.*

Трейлист

Planez — Jeremih feat. J. Cole	♥ 4:00
Imported — Jessie Reyes & GLACK	♥ 3:32
Swim — Chase Atlantic	♥ 3:48
You Got It — VEDO	♥ 3:23
Feels — Kehlani	♥ 3:01
First Class — Jack Harlow	♥ 4:27
Safety net — Ariana Grande feat. Ty Dolla \$ign	♥ 4:00
I Like U — NIKI	♥ 3:21
Love Lies — Khalid & Normani	♥ 3:54
Close — Nick Jonas feat. Tove Lo	♥ 2:40
Every Kind of Way — H.E.R.	♥ 4:03
One In A Million — Ne-Yo	♥ 3:24
Hrs and Hrs — Muni Long	♥ 3:55
Conversations in the Dark — John Legend	♥ 3:20
Constellations — Jade LeMac	♥ 3:26
Love you anyway — John K	♥ 3:28
Medicine — James Arthur	♥ 4:17
Say You Love Me — Jessie Ware	♥ 2:59
Half a Man — Dean Lewis	♥ 2:11
This City — Sam Fischer	♥ 2:59
Always Been You — Jessie Murph	♥ 2:11
Get You the Moon — Kina feat. Snow	♥ 2:59
Hard Place — H.E.R.	♥ 4:31
Best Part — Daniel Caesar feat. H.E.R.	♥ 3:29

1 Зандерс

— Обожаю выездные игры.
— Ненавижу выездные игры. — Мэддисон достает свой чемодан с заднего сиденья моего новоприобретенного люксового внедорожника — «Бенца»¹ и надевает пиджак.

— Ты ненавидишь их именно по той причине, по которой я их так люблю.

Я запираю машину, бросаю ключи в сумку и делаю глубокий вдох. Свежий осенний воздух Чикаго наполняет легкие. Люблю хоккейный сезон, а на этой неделе начинается период выездных игр.

— Потому что в каждом городе, который мы посещаем, девушки выстраиваются в очередь, чтобы с тобой встретиться? Тогда как единственная женщина, которую хочу видеть я, — это моя жена, которая находится здесь, в Чикаго, с моей дочерью и новорожденным сыном.

— Именно. — Я похлопываю Мэддисона по плечу, и мы заходим через частный вход в международный аэропорт О'Хара.

Мы показываем охране наши удостоверения, и нас выпускают на взлетно-посадочную полосу.

— У нас что, новый самолет? — Я останавливаюсь как вкопанный, кивая в сторону новой птички с логотипом нашей команды на хвосте.

¹ «Бенц» — имеется в виду модель автомобиля «Мерседес-Бенц».

— Похоже на то, — рассеянно подтверждает Мэддисон, глядя в свой телефон.

— Как дела у Логан? — спрашиваю я о его жене, с которой, насколько я понимаю, он сейчас переписывается. Он ею просто одержим. Постоянно ей пишет.

— Чувак, она крутая. — Голос Мэддисона сочится гордостью. — Эм-Джею всего неделя от роду, а она уже понимает его расписание.

Неудивительно. Жена Мэддисона, Логан, — один из моих самых близких друзей и, вероятно, самый способный человек, которого я знаю. Они мои единственные друзья, у которых есть дети, и их семья из четырех человек стала и моей большой семьей. Их дочь называет меня дядей Зи, а я обращаюсь с их детьми как со своими племянниками, несмотря на отсутствие кровных уз между нами. Их отец — мой лучший друг и на данный момент почти что брат.

Но так было не всегда.

Когда мы росли, Элай Мэддисон был моим самым ненавистным соперником. Мы оба выросли в Индиане, играли в выездной хоккей за две разные команды. Он был золотым мальчиком, который имел все, что хотел, и это до чертиков меня раздражало. Его жизнь была такой идеальной. Его семья была идеальной, а моя — нет.

Затем он продолжил играть за Университет Миннесоты, а я играл за штат Огайо, и наше детское соперничество переросло в жаркие пять лет студенческого хоккея. В то время у меня были кое-какие семейные проблемы, и весь свой гнев я выплескивал на льду. В конечном итоге Мэддисон от меня огреб: в начале наших студенческих лет я грязным ударом вмазал его в борт, и в результате он настолько сильно повредил лодыжку, что на втором курсе выбыл на целый сезон, а затем пропустил драфт НХЛ¹.

¹ Драфт НХЛ — ежегодное мероприятие Национальной хоккейной лиги, заключающееся в передаче профессиональным клубам Лиги прав на молодых хоккеистов, удовлетворяющих определенным критериям отбора.

По иронии судьбы мне также пришлось пропустить второй курс из-за нескольких предметов, которые я провалил.

Он ненавидел меня за это, а я ненавидел себя по целому ряду иных причин.

Потом я стал ходить на терапию. Добросовестно. Я работал над своими проблемами, и к выпускному классу мы с Мэддисоном стали лучшими друзьями. Мы по-прежнему играли за разные команды, но уважали друг друга и, несмотря на проблемы с психическим здоровьем, нашли общий язык. Он страдал от приступов тревожности и панических атак, а я — от горького гнева в таком количестве, что он приводил к паническим атакам просто потому, что поглощал меня, отгораживая от реальности.

И по воле судьбы мы с Элаем Мэддисоном оказались в одной команде здесь, в Чикаго, играя в команде профессионалов «Чикаго Рапторс». Этот сезон для меня — начало седьмого года профессиональной карьеры, и я не могу представить, чтобы я играл где-то еще.

Вот почему мне нужно быть уверенным, что со мной подпишут новый контракт, когда этот истечет в конце сезона.

— Скотт, мы получили новый самолет? — спрашиваю я идущего впереди менеджера нашей команды.

— Да, — бросает он в ответ через плечо. — Все профессиональные команды Чикаго получили. Новая чартерная компания. Новый самолет. Они подписали какую-то крупную сделку с городом.

— Новый самолет. Новые сиденья... Новые стюардессы, — с намеком добавляю я.

— У нас всегда новые стюардессы, — вмешивается Мэддисон. — И все они пытались с тобой переспать.

Я самодовольно пожимаю плечами. Он не ошибается, и мне не стыдно. Но я не сплю с женщинами, которые на меня работают. Это может вызвать проблемы, а я не люблю проблем.

— И еще одна новинка, — добавляет менеджер команды. — Один экипаж на весь сезон. Те же пилоты, и те же стюардессы. Больше никаких случайных членов экипажа по типу «зашли и вышли», стремящихся получить ваши автографы.

— Или стремящихся залезть к тебе в штаны, — бросает на меня острый взгляд Мэддисон.

— Я был не против.

В кармане моих брюк гудит телефон. Вытащив его, я обнаруживаю парочку новых сообщений в моем личном кабинете в соцсети.

Кэрри: *Видела расписание твоих игр. Я так понимаю, ты сегодня будешь в городе. Я свободна, и хорошо бы, чтобы и ты был свободен!*

Эшли: *Сегодня вечером ты будешь в моем городе. Хочу тебя видеть! Уж я постараюсь, чтобы твое время того стоило.*

Я захожу в приложение «Мои заметки», нахожу заметку под названием «ДЕНВЕР» и пытаюсь вспомнить, кто эти женщины.

Судя по всему, Кэрри была великолепна в постели с фантастической позой, а Эшли делала потрясающий минет.

Будет трудноато выбрать, с кем я хочу провести ночь. А еще есть вариант выйти и посмотреть, не смогу ли я расширить свой состав в «Денвере» парочкой новеньких.

— Куда-нибудь идем сегодня вечером? — спрашиваю я лучшего друга, когда мы поднимаемся по трапу в наш новый самолет.

— Я собираюсь поужинать с приятелем по колледжу. В Денвере живет мой старый товарищ по команде.

— Ах, черт, верно. Ну а потом давай с тобой выпьем.

— Я хочу пораньше лечь спать.

— Ты всегда рано ложишься, — напоминаю я ему. — Все, что ты хочешь сделать, — это засесть в гостиничном номере и позвонить жене. Ты куда-то идешь со мной только тогда, когда тебя заставляет Логан.

— Ну, моему сыну только неделя, так что могу гарантировать, что сегодня я никуда не пойду. Мне нужно хоть немного выспаться.

— Как поживает малыш Эм-Джей? — интересуется Скотт наверху трапа.

— Милейший маленький засранец. — Мэддисон достает телефон, чтобы показать бесчисленные фотографии, которые он при-

слал мне за неделю. — Уже в десять раз круче, чем Элла в младенческом возрасте.

Обойдя их, я вхожу в наш новый самолет, ошеломленный тем, насколько он потрясающий. Он совершенно новый, с изготовленным на заказ ковровым покрытием, сиденьями и расклеенным повсюду логотипом нашей команды.

Минуя переднюю половину самолета, где сидят тренеры и сотрудники, я направляюсь к ряду у аварийного выхода, где мы с Мэддисоном сидим уже много лет, с тех пор как он стал капитаном, а я — вице-капитаном. Мы управляем всеми аспектами работы команды, включая то, где кто сидит в самолете.

Ветераны сидят в ряду у аварийного выхода. Чем меньше стаж спортсмена в команде, тем дальше он сидит, а новички занимают последний ряд.

— Хрен тебе, — быстро заявляю я, обнаружив, что защитник Рио, который играет с нами второй сезон, уселся на мое место. — Вставай.

— Я тут подумал, — начинает Рио, и его дурацкая ухмылка расплывается на всю физиономию. — Новый самолет, может быть, новые места? Может быть, вы с Мэддисоном захотите в этом году посидеть в хвосте с новичками?

— Твою мать, нет. Вставай. Мне наплевать, что в этом сезоне ты не новичок. Я все равно буду относиться к тебе как к новичку.

Его темно-зеленые глаза прикрывают кудрявые волосы, но я все равно замечаю, как весело они блестят. Он меня проверяет. Маленький ублюдок.

Он из Бостона, штат Массачусетс. Итальянский маменькин сынок, которому нравится испытывать мое терпение. Но почти каждый раз, когда он открывает свой чертов рот, я начинаю смеяться. Должен сказать, он чертовски забавный.

— Рио, брысь с наших мест, — вмешивается Мэддисон у меня из-за спины.

— Есть, сэр. — Он быстро вскакивает, подхватывает с соседнего сиденья свой бумбокс и спешит в хвост самолета, где ему самое место.

— Почему он слушает тебя, а не меня? Я же в десять раз страшнее!

— Возможно, потому, что ты таскаешь его с собой всякий раз, когда мы на выезде, и относишься к нему как к своему младшему напарнику, а я — его капитан, соблюдаю дистанцию и слежу за порядком.

Может быть, если бы мой самый близкий друг составлял мне компанию, мне бы не приходилось брать с собой в качестве напарника двадцатидвухлетнего парня, когда мы выходим в город.

Забросив сумку на багажную полку над головой, я устраиваюсь поближе к окну.

— Черт возьми, нет. — Мэддисон стоит и смотрит на меня сверху вниз. — В прошлом году ты сидел у окна. В этом сезоне твое место у прохода.

Я смотрю на соседнее сиденье, затем снова на него.

— Меня укачивает.

Мэддисон раздражается приступом смеха.

— Нет, не укачивает. Перестань прикидываться маленьким сукиным сыном и вставай.

Я неохотно пересеживаюсь на соседнее сиденье, поскольку в этом самолете с каждой стороны прохода всего по два места в каждом ряду. Еще пара ветеранов со стажем сидят в ряду напротив.

Достав телефон, я перечитываю сообщения от девушек из Денвера, размышляя о том, как я хочу провести вечер.

— Что бы ты предпочел — классный секс, умопомрачительный минет, или рискнуть попробовать что-нибудь новенькое?

Мэддисон меня полностью игнорирует.

— И то, и другое, и третье? — отвечаю я за него. — Может быть, и так.

Приходит еще одно сообщение. На этот раз — групповое сообщение от нашего агента Рича.

Рич: *Интервью «Чикаго трибьюн» перед завтрашней игрой. Разыграйте сцену. Заработайте нам деньги.*

— Рич прислал сообщение, — говорю я капитану. — Завтра перед игрой — интервью. Он хочет, чтобы мы разыграли нашу маленькую фишку.

— Все то же? — вздыхает Мэддисон. — Зи, ты же знаешь, что в этом деле у тебя — короткая соломинка. Если решишь донести до людей, что ты не такой придурак, каким они тебя считают, дай мне знать, и мы закончим это представление.

Вот почему Мэддисон — мой лучший друг. Возможно, он единственный человек, кроме своей семьи и моей сестры, который знает, что я не такой плохой парень, каким меня изображают СМИ. Но у моего имиджа есть свои плюсы. Один из которых заключается в том, что женщины бросаются на самопровозглашенного «ненавистного плохого парня», и наши контрастные характеры приносят нам обоим кучу денег.

— Нет, мне все еще это нравится, — честно говорю я ему. — В конце сезона мне нужно продлить контракт, так что до тех пор продолжаем в том же духе.

С тех пор как Мэддисон пять лет назад приехал в Чикаго, мы создали эту сюжетную линию, которую подхватили фанаты и СМИ. Мы зарабатываем кучу денег для организации, потому что наш дуэт привлекает на трибуны болельщиков. Некогда заклятые соперники превратились в лучших друзей и товарищей по команде. Мэддисон уже много лет женат на своей возлюбленной из колледжа, и у них двое детей. У меня же бывают ночи, когда в мой пентхаус приходят сразу две девушки. С точки зрения стороннего наблюдателя, мы не могли бы быть более непохожими друг на друга. Он — золотой мальчик хоккея, а я — городской повеса. Он забивает голы, а я забиваю с дамами.

Люди съедают эту фигню. Мы разыгрываем это перед СМИ, но правда в том, что я не такой кусок дерьма, каким меня считают. Меня волнуют не только женщины, которых я привожу домой с арены. Я знаю себе цену. Мне нравится заниматься сексом с красивыми девушками, и я не собираюсь за это извиняться. Это делает меня плохим? Ну и хрен с ним. Я зарабатываю чертовски много денег, будучи «плохим парнем».

Прокручивая страницу на телефоне, я замечаю боковым зрением фигуру, но не поднимаю глаз, чтобы посмотреть, кто стоит передо мной. Хотя с этого ракурса я могу сказать, что пышные формы принадлежат женщине, а единственные женщины на борту — это стюардессы.